
Н.Н. Крадин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: Происхождение государства — вечный вопрос в общественных науках. Он интриговал представителей самых разных наук — философов, правоведов, социологов, политологов, историков и др. Было высказано огромное количество разнообразных точек зрения на этот счет, существуют сотни книг и тысячи статей на эту тему. Раньше всех появились так называемые «сакральная» и «патриархальная» теории, затем теория «общественного договора». Все эти теории основаны на философских посылах и относятся к так называемым умозрительным теориям возникновения государства. Современные представления о возникновении государства, разрабатываемые в политической антропологии, имеют ряд принципиальных отличий от классических теорий, созданных историками, философами и правоведами. Создание государства стало результатом двух взаимосвязанных процессов — консолидации общества (интегративная или функционалистская теория) и регулирования структурных столкновений в обществе (конфликтная теория). Государство выступает одновременно и как носитель общепольных функций, и как выразитель социальных антагонизмов. Государственность возникает как результат достижения контроля над такими ключевыми секторами жизнедеятельности общества, как экономика и идеология. Важное место при этом имеет наличие вооруженных сторонников, которые дают возможность как установить контроль внутри общества, так и активизировать внешнюю экспансию. В настоящее время существует несколько наиболее популярных антропологических теорий, раскрывающих различные пути происхождения государства. В этой статье обсуждаются такие ключевые вопросы, как природа государственности, признаки государства, теория «раннего государства» и этапы трансформации государственности на протяжении истории, многолинейный характер процессов политогенеза, роль концепций «вождества» и «гетерархии». Показано, что в последние десятилетия в западной антропологии и археологии многие из теорий были подвергнуты постмодернистской и постколониальной критике. Необходим пересмотр западоцентристского и расистского взгляда на мировую историю, учет влияния гендерного фактора, понимание ошибочности прямолинейных сопоставлений доисторических обществ и их этнографических аналогий. Однако постмодернисты не смогли предложить целостной альтернативы теориям второй половины XX в.

Ключевые слова: государство, политогенез, вождество, комплексное общество, гетерархия, социальная эволюция, политическая антропология

Возникновение государственности — одна из самых главных вех в мировой истории и одновременно вечный вопрос наук о человеке и обществе. На эту тему написано огромное количество книг и статей. Этот вопрос интриговал представителей самых разных наук — философов, правоведов, социологов, политологов, историков и др. Было высказано огромное количество самых разнообразных точек зрения на этот счет, существуют сотни книг и тысячи статей на эту тему. Раньше всех появились так называемые «сакральная» и «патриархальная» теории. Первая предполагала, что вся власть от Бога, вторая исходила из того, что государство подобно разросшейся семье. В эпоху нового времени возникла теория «общественного договора», согласно которой государство возникает как продукт внутреннего соглашения между людьми, которые передают часть своей свободы и власть государству, чтобы обеспечить общественный порядок и неприкосновенность собственности. Все эти теории основаны на философских посылах и относятся к так называемым умозрительным теориям возникновения государства.

Первой научной теорией была «завоевательная» теория политогенеза. Она появилась в XIX в. и связывается с именами историков права Л. Гумпловича и Ф. Оппенгеймера¹. Ее сторонники полагали, что первые государства возникли в результате *внешнего* фактора — завоевания воинственными кочевниками или викингами земледельческих обществ и установления победителями эксплуатации подчиненных. Эта теория была поддержана некоторыми этнологами и теоретиками марксизма за рубежом². Ее обстоятельная критика принадлежит американскому этнологу Р. Лоуи. В книге «Происхождение государства» он показал, что завоевание далеко не всегда ведет к государству, а для того, чтобы завоевание привело к государственности, общества покорителей и побежденных должны были обладать некоторой стратификацией. Следовательно, война не может быть единственной предпосылкой, ведущей к возникновению государства³.

¹ Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899; Oppenheimer F. Der Staat. Frankfurt, 1919.

² Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929; Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.; Л., 1931. Т. 2: Государство и развитие человечества; Turnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen. В.; Leipzig, 1935. Bd. 4: Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung.

³ Lowie R.H. Origin of the state. N.Y., 1927.

Без преувеличения можно сказать, что последующие несколько десятилетий этот вопрос разрабатывался преимущественно марксистскими теоретиками. Этот вопрос был принципиально важен для марксизма, поскольку государство являлось важнейшим орудием эксплуататорских классов и ему нужно было дать правильную оценку. Согласно марксистскому учению, государство представляет собой политическую машину для подавления господствующими классами трудящихся масс. Эта мысль присутствует уже в «Манифесте коммунистической партии» в 1848 г. Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули две основные модели вызревания государства. В «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» К. Маркса и в «Анти-Дюринге» (1878 г.) Ф. Энгельса возникновение государства и классов описывается как процесс постепенной узурпации вождями своих управленческих функций, превращения первоначальных «слуг народа» в «господ над ним». Затем в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) Энгельс нарисовал иную картину политогенеза: развитие экономики приводит к росту прибавочного продукта, появлению имущественного неравенства и классов. Господствующие классы для охраны своей собственности изобретают государство, сначала рабовладельческое, затем феодальное⁴.

Последняя точка зрения получила господствующее распространение в советской науке и фактически все работы, касающиеся как теории государства и права, теории становления государственности, так и конкретно-исторические исследования, выполненные на материалах конкретных обществ, длительное время рассматривались исключительно в рамках парадигмы, изложенной в «Происхождении семьи». Только в период «оттепели», в первую очередь в рамках дискуссии об азиатском способе производства, появились новые интерпретации, которые акцентировали внимание на организационно-управленческих функциях государства, соотношении власти и собственности, стимулировали исследования в области многовариантности форм перехода к государственности⁵.

⁴ О взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на возникновение государства подробнее см.: *Лышца В.А.* Загадка Энгельса // Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лышца. Владивосток, 1995. С. 36–58.

⁵ Подробнее о дискуссиях в советской науке: Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л.В. Данилова. М., 1968; Становление классов и государства / Отв. ред. А.И. Першиц. М., 1976; Исследования по общей этнографии /

С началом перестройки наметился отход от марксистских универсалий. Однако даже в современных исследованиях прослеживается сильное влияние данной парадигмы. Это в частности выражается в использовании давно устаревшей концепции «военной демократии», в применении Энгельсовой «триады» признаков государства, в понимании государства исключительно как института подавления народных масс и др. Между тем уже достаточно давно в рамках политической антропологии были выработаны принципиально иные подходы, которые с успехом были апробированы на различных археологических и этнографических материалах.

В самом широком смысле политическая антропология — это антропологическая дисциплина, которая занимается изучением институтов власти и контроля у народов мира в исторической динамике этнографическими методами⁶. Данное определение, казалось бы, должно свидетельствовать, что предметом антрополога должны быть в первую очередь непосредственно наблюдаемые им люди и институты, а главными методами — наблюдение, интервьюирование и, при большой удаче, включенное наблюдение. Следовательно, предметом антрополога должны быть традиционные и посттрадиционные общества последних нескольких столетий. Это совершенно верно. Политическая антропология внесла огромный вклад в изучение процессов модернизации в вышеуказанных типах обществ, политической культуры и институтов современных государств, кланов и политической клиентелы, неопатримониализма⁷.

Тем не менее объектом политической антропологии могут быть и архаические общества. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что при исследовании давно исчезнувших культур и цивилизаций специалисты применяют сравнительный подход — важнейший научный метод антропологов, и это, как правило, открывает новые горизонты. С данной точки зрения, для историков и археологов, которые изучают общества периода становления

Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1979; От доклассовых обществ к раннеклассовым / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987; Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1995, и др.

⁶ Крадин Н.Н. Политическая антропология. 4-е изд. М., 2011.

⁷ Абельс М. Политическая антропология: новые задачи, новые цели // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. VI. № 20. С. 27–44; Бочаров В.В. Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4. С. 37–67; Крадин Н.Н. Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012. С. 219–241.

государства, использование сравнительных антропологических данных имеет огромное и даже первостепенное значение.

У истоков разработки политантропологической теории безусловно стоял выдающийся американский антрополог Л.Г. Морган. В своей книге «Древнее общество» он высказал тезис, что первобытные общества основаны на родстве, тогда как для обществ с государственностью ключевым фактором стала территориальная принадлежность. Морган ввел понятие «военной демократии» для описания обществ, находящихся на стадии предшествующей государственности⁸. Однако как дисциплина политическая антропология сформировалась в рамках британского функционализма. В 1940 г. в Великобритании были опубликованы три важные книги, в которых систематизировался опыт изучения политических систем и институтов власти архаических обществ Африки. Это книги об ануаках и нуэрах Э. Эванс-Причарда⁹ и знаменитый сборник «Африканские политические системы» под редакцией М. Фортеса и Э. Эванс-Причарда, ставший своеобразным манифестом нового направления. В книге был систематизирован опыт изучения политических систем и институтов власти архаических обществ Африки. Все рассматриваемые общества были разбиты на две группы — первобытные государства (*primitive state*) и «безгосударственные» (*stateless*) общества, которые основывались на родственных связях или «сегментарной» инфраструктуре¹⁰. Именно с этого времени принято теперь отсчитывать официальное «рождение» политической антропологии.

В последующие десятилетия американскими, британскими и французскими антропологами (а также исследователями других стран, находившимися под влиянием данной дисциплины) было выполнено большое количество исследований, посвященных изучению политики, власти, идеологии в колониальных и постколониальных обществах Африки, Азии, Океании, Латинской Америки¹¹. Российская политическая антропология развивалась под

⁸ Морган Л. Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.

⁹ Эванс-Причард Э. Нуэры. М., 1985.

¹⁰ African Political Systems / Ed. M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. N.Y., 1940.

¹¹ Vincent J. Anthropology and Politics: Visions, Traditions, Trends. Tucson, 1990; Lewellen T.C. Political Anthropology: An Introduction. Westport, 1992; Gledhill J. Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics. L., 2000; Rivière C. Anthropologie politique. P., 2000, etc.

определенным влиянием западной науки. Однако у нее есть свои достижения и перспективы. Особенно много для выделения политической антропологии в особую этнографическую субдисциплину в нашей стране сделал африканист Л.Е. Куббель. Именно он в 1988 г. опубликовал первую в отечественной науке книгу на данную тему «Очерки потестарно-политической этнографии»¹². В этой работе подробно разбирается предмет данной дисциплины, политическая культура первобытных, раннегосударственных и колониальных обществ, большое внимание уделено изучению идеологических механизмов властвования.

Ключевым вопросом для политической антропологии второй половины XX в. было выяснение того, как и вследствие каких факторов одни формы политической организации преобразовывались в другие. Наиболее существенные результаты в классификации политических форм были достигнуты в рамках американского неозволюционизма. Неозволюционизм возник после Второй Мировой войны. К этому времени антропология осознала необходимость выйти за пределы локальных эмпирических исследований и приступать к синтетическим обобщениям накопленного материала. Наиболее популярная схема была создана американским антропологом Э. Сервисом. Первой формой объединения людей, по его мнению, были *локальные группы* охотников и собирателей. Они имели эгалитарную общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникают *общины* и *племена*, появляются институты межобщинного лидерства, возможно, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия — *вождество* (англ. *chiefdom*). В вождестве возникает социальная стратификация, отстранение масс от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием *государства* центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, цивилизация, города¹³.

¹² Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

¹³ Service E. Primitive Social Organization: an evolutionary perspective. N.Y., 1962 (2nd ed. 1971); *Idem*. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

Особое место в этом ряду занимает теория вожества. Наибольший вклад в ее разработку внесли неозволюционисты «второй волны» — Э. Сервис, М. Салинз и Р. Карнейро¹⁴. Последующий прогресс связан с фундаментальными статьями и книгами Т. Эрла¹⁵. Вожество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появлению государства. Принято выделять следующие основные признаки этой формы социополитической организации: (1) существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений; (2) наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, присутствие тенденций к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие; (3) существование редистрибуции — перераспределения прибавочного продукта и подарков по вертикали (власть вождя основана на престижной экономике); (4) наличие общей идеологической системы и/или общих культов и ритуалов (Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вожестве имеет сакрализованный, теократический характер.).

Пик популярности данной теории в Европе и США пришелся на последнюю треть XX в. В отечественную науку термин вошел на рубеже 1970–1980-х гг., когда А.М. Хазанов предложил пользоваться при рассмотрении вопросов становления государственности термином «вожество» (аналог английского «чифдом»)¹⁶, а Л.С. Васильев в двух обзорах подробно изложил суть данной концепции¹⁷.

¹⁴ *Service E.* Primitive Social Organization; *Idem.* Profiles in Ethnology. N.Y.; L., 1963; *Carneiro R.* The chiefdom as precursor of the state // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981. P. 37–79; *Салинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.

¹⁵ *Earle T.* Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. 1987. P. 279–308; *Idem.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997; *Idem.* Bronze Age economics: The beginnings political economies. Boudler, 2002, etc.

¹⁶ *Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 125–177.

¹⁷ *Васильев Л.С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 177–186; *Он же.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.

Полтора десятилетия назад автор этих строк написал многостраничный обзор, посвященный теории вожества¹⁸. В настоящее время термин достаточно часто используется в работах отечественных ученых, он вошел в учебники, пособия и справочные издания. В последнем варианте «Большой российской энциклопедии» ему посвящена большая вдумчивая статья В.А. Попова¹⁹.

По количеству уровней иерархии вожества могли быть «простыми» и сложными». В простых вожествах имеется один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя — как правило, более крупному поселению. Численность простого вожества — несколько тысяч человек. Сложное вожество — это более крупная политическая единица, которая состояла из нескольких простых вожеств. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вожеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности.

В некоторых случаях сложные вожества могли объединяться в суперсложные вожества. Обычно суперсложные вожества в 4–5 уровней иерархии существовали у кочевников-скотоводов²⁰. В земледельческих обществах при таком количестве иерархических ступеней, как правило, возникало государство. Однако вожество отличалось от государства не только высотой пирамиды власти. По мнению многих исследователей, в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия²¹, тогда как правитель вожества обладал лишь «консенсуальной властью», т. е. авторитетом. Эта точка зрения уходит своими корнями в веберовское понимание государства.

¹⁸ Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

¹⁹ Попов В.А. Вожество // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 557.

²⁰ Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002; *Он же*. Кочевники Евразии. Алматы, 2007; Turchin P., Gavrilets S. Evolution of Complex Hierarchical Societies // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No 2. P. 167–198.

²¹ Fried M. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967. P. 230, 235; Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975. P. 16; The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978. P. 639–640.

Надо сказать, что положение вождей было незавидным в случае злоупотребления ими своим статусом²². Следует согласиться с точкой зрения, что многим государствам (не только ранним) не хватает монополии на использование силы²³ и, наоборот, — существование монополии на легитимное насилие фиксируется в ряде безгосударственных обществ²⁴.

Поэтому более правильно было бы делать акцент не на каком-то отдельном признаке, а на совокупности происходящих в обществе изменений. Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Гражданские чиновники ответственны за мобилизацию ресурсов, управление, контроль информационными потоками. Военные ответственны за завоевания и оборону от врагов, а иногда на них возлагается поддержание внутренней стабильности. Религия предназначена для создания общей идентичности и освящения существующего строя²⁵.

В рамках политической антропологии принято выделять два основных подхода к пониманию ранней государственности. Согласно «интегративной» (функционалистской, адапционистской) версии политогенеза, архаическое государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми вождеская организация власти не может справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т. е. священной) идеологии²⁶. По мнению сторонников «конфликтной» версии политогенеза, государственность — это результат культурной адаптации и стабилизации стратифицированного общества от предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства, исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования²⁷.

²² Салинз М. Экономика каменного века. С. 137–141.

²³ Carneiro R. The chieftdom as precursor of the state. P. 68; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 28.

²⁴ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 339–340.

²⁵ Earle T. Bronze Age economics. P. 16.

²⁶ Service E. Primitive Social Organization; *Idem*. Origins of the State and Civilization.

²⁷ Fried M. The Evolution of Political Society.

Один из главных идеологов функционалистской версии политогенеза — Э. Сервис рассматривал создание государства с точки зрения «выгоды», которую оно несет своим гражданам. Он признавал, что подданным приходится платить определенную «цену» управителям за то, что они выполняют свои организационные обязанности. Однако Сервис отказывался видеть в этой «цене» эксплуатацию, полагая, что выгоды от объединения усилий очевидны и превышают плату за услуги. Он мотивировал это тем, что ему не известны случаи восстаний в ранних государствах. Эти аргументы нашли развитие в концепции «взаимной эксплуатации», согласно которой в раннем государстве складывается религиозно-идеологическая доктрина взаимного обмена услугами между производящими массами и правящей элитой. Первые обязуются исправно платить налоги и повинности, а вторые считаются ответственными за охрану и благосостояние подданных, выполняя управленческие функции в соответствии со своими сверхъестественными способностями²⁸.

Конфликтный подход предполагает рассмотрение государства как политической организации, предназначенной для решения внутренних и внешних конфликтов и упорядочивания структуры на принципиально новом уровне интеграции. Одни исследователи (сторонники «завоевательной» теории) привлекали внимание к насильственному, военному решению экономических проблем; другие — обращали внимание на то, что в результате неравного доступа к ресурсам назревают конфликты, которые предотвращаются методами физического и идеологического контроля; третьи (марксистские авторы) — акцентируют внимание на том, что государство является институтом эксплуататорского, классового общества.

В настоящее время мало кто из исследователей готов безоговорочно принять ту или иную сторону. Всем очевидно, что это крайние полюса единого процесса. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т. д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены соглашаться со своим более низким статусом. В литературе много писалось об амбивалентности власти.

²⁸ The Study of the State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981.

Государство — орудие власти. Оно столь же двулико, как и сама власть. Оно одновременно и помогает, и наказывает. Даже в классической древности существовало амбивалентное отношение к государству: оно воспринималось как неизбежное, но все-таки зло²⁹.

В этой связи ключевой вопрос, которыми задавались многие исследователи, как меньшинство достигает контроля над большинством и как оно умудряется поддерживать статус-кво³⁰. Можно говорить, наверное, о трех ключевых каналах достижения власти — экономике, войне и идеологии. Экономическая власть основана на контроле над ключевыми секторами производства и ресурсами, а также на доступе к перераспределению ресурсов. Т. Эрл предлагает выделять основные финансы и финансы богатства³¹. В первом случае имеется в виду контроль над реальными секторами экономики и их результатами — производством пищи, специализированным ремеслом, общественными работами и др. Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Поэтому во втором случае речь должна идти о поддержке ремесленников, производивших престижно значимые для статуса товары³², или о контроле над внешней торговлей³³.

Военный фактор проявляется, прежде всего, в наличии у лидера вооруженных и, как правило, хорошо обученных сторонников, которые могут оказать помощь в борьбе против конкурентов. Помимо этого, война предполагала возможность завоевания и порабощения или запугивания с целью гарантировать поддержку и защиту. Р. Кайнейро в своей «теории ограничения» синтези-

²⁹ Якобсон В.А. Введение в историю бюрократии // ВДИ. 2012. № 1. С. 81–125.

³⁰ Mann M. The Sources of Social Power. Cambridge, 1986. Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760; Earle T. How Chiefs Come to Power; Archaic states / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998; From leaders to rulers / Ed. J. Haas. N.Y., 2001; Flannery K., Marcus J. The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, Mass., 2012, etc.

³¹ Earle T. Bronze Age economics. P. 192–194.

³² Specialization, exchange, and complex societies / Ed. E.M. Brumfiel, T. Earle. Cambridge, 1987.

³³ Ekholm K. External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // The Evolution of Social Systems / Ed. J. Friedman and M. Rowlands. L., 1977. P. 115–136; Sáenz C. Lords of the waste: predation, pastoral production and the process of stratification among the eastern Tuaregs // Chiefdoms, Power, Economy, and Ideology / Ed. T. Earle. Cambridge, 1991. P. 100–118.

ровал экологический подход с военным фактором. В условиях, когда территория расселения популяции имеет границы, рост населения не может быть решен путем миграции. В такой ситуации возникает конкуренция за ресурсы и институализируется лидерство. Группы начинают вести войны за ресурсы и порабощение³⁴. Данная концепция вызвала много споров среди исследователей. Полемика не утихает до сих пор. Не так давно журнал «Социальная эволюция и история» («Social Evolution & History») посвятил целый номер современному видению этой проблемы (2012. № 2).

Идеология предполагает обеспечение доминирования через культурно значимые для общества символы. Она имеет очень важное значение для интеграции группы. Коллективные ценности реализуются как в рамках каждодневных действия, так и через публичные ритуалы и церемонии, совместные трапезы и праздники. Как очень точно подметил М. Манн, успешная идеология предполагает взгляд, делающий боль жизни и неравенство более терпимыми³⁵. Важное место в этой связи имеют различные дарообменные механизмы, которые камуфлируют реальную иерархию идеологическими одеждами, создают иллюзию сопричастности подданных и правителей. Светская, военная и сакральная власть могла быть как разделенной между различными группами элиты, так и интегрированной в той или иной комбинации.

Традиционно принято выделять три главных признака государства: территориальное деление (иногда данный признак сводится к «территории»), налоги и формирование особого аппарата управления. Эта «триада» до сих пор считается классической в политической и юридической науках. Нет сомнения, данная точка зрения справедлива в отношении развитых современных государств. Однако еще Л.Е. Куббель показал, что многие уже сформировавшиеся доиндустриальные государства (например, в Африке) оставались основанными на родоплеменном делении. Граница между редистрибуцией ресурсов и налогами очень условна, и далеко не всегда ее можно четко провести. Только наличие бюрократического аппарата можно считать надежным критерием государства. Однако и в этом случае далеко не всегда

³⁴ *Carneiro R.* A theory of the origin of the state // *Science*. 1970. No 169 (3947). P. 733–738.

³⁵ *Mann M.* The Sources of Social Power. P. 23.

можно провести грань между зачаточными органами управления в вождестве и ранней формой государства³⁶.

Современные специалисты в области политогенеза используют другие критерии, свидетельствующие о формировании государственности. Так, согласно К. Флэннери, для архаической государственности характерно наличие четырех уровней иерархии (верхний — административный), социальной иерархии, фиксируемой в жилищах и погребениях, наличие дворцовой, административной и храмовой архитектуры, фортификаций, наличие вооруженных сил и внешней экспансии, присутствие спонсируемого государством ремесла³⁷. По мнению Г. Фэйнмана и Д. Маркуса, признаками государства являются: четырехуровневая иерархия, наличие сакрализованного правителя, двухклассовой структуры, дворца правителя, законов, высокоцентрализованного и специализированного внутренне правительства³⁸. А. Смит концентрирует внимание на таких чертах, как развитая социальная стратификация, наличие централизованных правительственных учреждений, которые ограничивают доступ и равное распределение от ресурсов и обладают легитимным насилием³⁹. Ч. Мэйзелс понимает государство как силу, способную осуществлять контроль над территорией и людьми, которая представляет централизованный аппарат власти, отдельные сегменты которого имеют различный функционал и специализацию: военную, фискальную, судебную и идеологическую⁴⁰.

Во всех представленных выше мнениях универсальной чертой является наличие особых специализированных органов власти. В этой связи важно заметить, что лиц, занятых управлением, необходимо делить на: 1) общих функционеров, деятельность которых может охватывать несколько видов занятий; 2) специальных функционеров, выполняющих обязанности только в какой-то одной области управления; 3) неформальных лиц, чья профессия напрямую не связана с управлением, однако они в силу своего статуса или иных причин могут оказывать влияние на принятие

³⁶ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии.

³⁷ Flannery K.V. The Ground Plan of Archaic States // Archaic states. P. 21.

³⁸ Feinman G., Marcus J. Introduction // Archaic states. P. 4–7.

³⁹ Smith A.T. The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley; Los Angeles; L., 2003. P. 90.

⁴⁰ Maisels Ch. The Archaeology of Politics and Power: Where, When, and Why the First States Formed. Oxford, 2010. P. 3.

решений (родственники, придворные, священники и т. д.). Поскольку общие функционеры и неформальные лица могут существовать не только в ранних (архаических) государствах, но, например, и в вождествах, только категория специальных функционеров может служить критерием государственности. Возможно, это единственный универсальный критерий государственного общества. С предельной лаконичностью суть этого выразил Карл Витфогель: государство это управление профессионалов⁴¹.

Кроме того, мы можем говорить о государстве как об организации только в том случае, если она состоит из *большого количества* людей. Государство — это не отдельные лица, занимающиеся управленческой деятельностью, а аппарат управления, т. е. совокупность определенных организаций и учреждений. Данные учреждения имеют внутреннюю структуру и состоят из определенного количества сотрудников, получающих вознаграждение за выполнение специальных обязанностей, имеющих схожие системы ценностей и установок (габитус). Структура может быть разделена на специализированные подразделения или ведомства (министерства, канцелярии и т. д.), либо в принципе не быть институализирована и находиться при дворе, ставке («штабе» — в концепции М. Вебера) правителя.

В данном случае речь идет, как правило, о сложившейся государственности, т. е. о таком аппарате управления, который приобрел институализированные формы. Однако такие феномены как государственность (в форме особого аппарата управления), классовая стратификация и частная собственность формируются в процессе длительной эволюции. По этой причине ряд исследователей в разных странах и, возможно, независимо друг от друга пришли к мнению, что целесообразно выделять некоторые промежуточные фазы между доиерархическими безгосударственными обществами и сложившимися доиндустриальными государствами (цивилизациями). Ключевое место в этом ряду занимает такая форма политической организации как раннее государство.

Разработку теории раннего государства принято связывать с именем голландского политантрополога Х.Дж.М. Классена и его школы. Наиболее полно главные положения теории были сформулированы в томе «Раннее государство», изданном под его редакцией совместно с чешским антропологом африканистом

⁴¹ Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven, 1957. P. 239.

П. Скальником⁴², и впоследствии углублены и развиты в целом ряде специальных тематических изданий. Теория «раннего государства» включила достижения неоеволюционистской и структуралистской антропологии, а также творческого марксизма. Она оказала значительное влияние на развитие отечественной политической антропологии последней трети XX — начала XXI в. (на Л.Е. Куббеля, А.М. Хазанова, Л.С. Васильева, а через их работы и идеи на следующее поколение политантропологов).

При этом нужно иметь в виду, что связь здесь между отечественной и европейской наукой более сложная. В концепции «раннего государства» немало общего с концепцией «дофеодального общества» А.И. Неусыхина, согласно которой еще до возникновения феодализма в Европе существовали иерархические политические структуры, которые явно не соответствовали классическим признакам феодализма. Эти идеи были очень популярны в тот период, когда П. Скальник обучался в Ленинградском университете. Еще тогда он пришел к выводу, что многие политические структуры доколониальной Африки не отвечают признакам феодальной формации и правильнее их было бы обозначить термином «раннее государство» (диплом защищался на английском языке!). Впоследствии он развернул эти идеи в кандидатской диссертации, которой не суждено было быть защищенной в социалистической Чехословакии. Сам автор был вынужден на длительный период времени уехать из страны.

Именно в годы эмиграции П. Скальника сформировался его творческий союз с Х.Дж.М. Классеном и вышли первые два тома о раннем государстве⁴³. В этих книгах, особенно в первой, авторы понимают раннее государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на два основных страта, или социальных класса — на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основным принципом которой является взаимный обмен услугами»⁴⁴.

⁴² The Early State.

⁴³ Ibidem; The Study of the State.

⁴⁴ The Early State. P. 640.

Изначально авторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств — *зачаточные* (*inchoate*), *типичные* (*typical*) и *переходные* (*transitional*). Для *типичного* раннего государства характерно: 1) сохранение кланово-линиджных связей, но при некотором развитии внеклановых отношений на высших уровнях управления; 2) существование должностных лиц как от кормлений за счет вверенных подданных, так и на жалование из центра; 3) наличие письменно зафиксированного свода законов; 4) появление специального аппарата судей, которые уже разбирали большинство юридических вопросов; 5) изъятие доли прибавочного продукта «управителями», имеющее «точно установленный характер» и осуществляющееся как путем взимания дани, так и посредством принудительного труда; 6) появление специальных чиновников и лиц, помогающих им⁴⁵.

Поскольку ранним государствам не хватало монополии на применение законного насилия, чтобы противостоять сепаратизму, персону сакрализованного правителя являлась фигурой, консолидирующей и объединяющей общество. Правитель («священный царь») являлся «посредником» между божествами и подданными, обеспечивал, благодаря своим сакральным способностям, стабильность и процветание обществу, объединял посредством дарений социальные коммуникации в единую сеть. Только с формированием эффективной системы аппарата власти, отпадала необходимость в данных функциях «священного царя»⁴⁶. На этой стадии ранние государства трансформировались в *зрелое* доиндустриальное государство (*mature state*), в котором имеется развитый бюрократический аппарат и частная собственность⁴⁷.

С течением времени возникла необходимость в пересмотре типологии и пришлось отказаться от выделения так называемых *зачаточных* и *переходных* ранних государств. Первые соответствуют критериям вождеств, а последние — признакам *зрелых* доиндустриальных государств с развитым бюрократическим аппаратом⁴⁸. Кросс-культурный анализ концепции позволил скорректировать признаки *типичного* раннего государства и показал,

⁴⁵ Ibidem. P. 21, 641.

⁴⁶ Claessen H.J.M. Kingship in the early state // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 1986. Vol. 142. No 1. P. 113–129.

⁴⁷ Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. М., 2007.

⁴⁸ Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С.184–208.

что именно на этой стадии появляются такие важные признаки как специальные чиновники, аппарат судей, письменный свод законов и др.⁴⁹. В 2008 г. англоязычный журнал «Социальная эволюция и история» организовал специальную дискуссию, посвященную состоянию теории раннего государства и приуроченную к тридцатилетию выхода книги «Раннее государство»⁵⁰. Роль теории «раннего государства» в современной археологической и антропологической науке показана в обстоятельной обзорной статье П. Скальника, опубликованной годом позже⁵¹. Спустя три десятилетия после выхода тома о раннем государстве, была предложена уточненная формулировка: «раннее государство это независимая трехуровневая (национальный, региональный, локальный уровни) социополитическая организация для регулирования социальных отношений в сложном, стратифицированном обществе, разделенном во всяком случае на две основные страты или зарождающихся общественных класса — т. е. правителей и управляемых, — чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и обязательством платить налоги вторых, что узаконено общей идеологией, базисный принцип которой — взаимный обмен»⁵².

Одна из самых важных тенденций последних десятилетий — отход от однолинейных концепций политогенеза. Если в рамках марксистской схемы существовала точка зрения о противопоставлении ориентированного на распределение власти «Запада» (античность, феодализм) и деспотичного «Востока», то новый подход предполагает дихотомию двух полярных стратегий в политической эволюции. Первая (*иерархическая* или *сетевая*) стратегия основана на вертикали власти и централизации. Для нее характерны концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потреб-

⁴⁹ Bondarenko D.M., Korotayev A.V. «Early State» in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // Cross-Cultural Research. 2003. Vol. 37. No 1. P. 105–132.

⁵⁰ Social Evolution & History. 2008. Vol. 7. No 1.

⁵¹ Skalnik P. Early State Concept in Anthropological Theory // Social Evolution & History. 2009. Vol. 8. No 1. P. 5–24.

⁵² Claessen H.J.M. Before the Early State and After: An Introduction // Social Evolution & History. 2008. Vol. 7. No 1. P. 13.

ностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре. Для второй (*гетерархической* или *корпоративной*) стратегии характерно большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества на решение коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни.

Термин «гетерархия» обозначает способ взаимоотношений элементов в сложной системе, когда они не ранжированы иерархически или связаны сетями сложных связей⁵³. Судя по всему, первым, кто пришел к этой идее, был К. Ренфрю⁵⁴. Однако он писал о двух вариантах вождеств, и далеко не все сразу осознали значимость данной идеи. Только позднее стало ясно, что это был важный подход, который примерно в одно время, но на разных исторических материалах и в разной терминологии разрабатывали М. Агларов (Кавказ), Ю.Е. Березкин (Передний Восток, Средняя Азия и Новый Свет), А.В. Коротаев (горцы), К. Крэмли (железный век Западной Европы), Г. Фэйрман и С. Ковалевски (Мезоамерика) и др.⁵⁵. Все это позволяет сделать *вывод*, что параллельно с созданием *иерархических* обществ (вождеств и государств) существует другая линия социальной эволюции — *неиерархические* общества. Следовательно, социальная эволюция является *многолинейной*.

В конце прошлого и начале нынешнего века традиционная схема Э. Сервиса (локальная группа — община — вождество — архаическое государство — национальное государство) подвер-

⁵³ *Crumley C.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // From leaders to rulers. P. 19–36.

⁵⁴ *Renfrew C.* Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // *Reconstructing Complex Societies*. Ann Arbor, 1974.

⁵⁵ *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988; *Березкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; *Коротаев А.В.* Горы и демократия // *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток, 1995; *Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, 1995. P. 1–5; *Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A. and Peregrine P.N.* A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. No 1. P. 1–14, 73–86; *Бондаренко Д.М., Коротаев А.В.* Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // *Общественные науки и*

глась постмодернистской и постколониальной критике. Особенно много нападков было сделано против концепции «вождества». Критика была положительно воспринята в современной англо-американской археологии⁵⁶. Это привело к тому, что использование социальных типов в антропологии стало немодным⁵⁷. Распространилось отрицательное отношение к использованию этнографических параллелей при рассмотрении проблем политогенеза⁵⁸. При всем моем личном достаточно отрицательном отношении к постмодернизму следует отметить, что критиками были выдвинуты важные аргументы, которые нельзя не учитывать. Это и критика западоцентристского и расистского взгляда на мировую историю, призыв к учету роли гендера, ошибочность прямолинейных сопоставлений доисторических сообществ и их этнографических аналогий.

Однако необходимо заметить, что за едкой критикой практически нет новых концептуальных идей. Рецензируя книгу Н. Йофе, Д. Вебстер очень точно подметил, что его выводы относительно происхождения государства очень близки к выводам тех, кого он критикует. «Мало кто не согласился бы с этим 30 или 40 лет назад»⁵⁹.

современность. 1999. № 5. С. 128–138; *Берент М.* Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 235–258; *Ковалевски С.* Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Там же. С. 171–185; *Уасон П., Балдиа М.* Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Там же. С. 219–234; *Feinman G.* Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From leaders to rulers. P. 151–175; *Бондаренко Д.М.* Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006; *Гришин Л.Е.* Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. *Chapman P.* Alternative States // Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies. N.Y., 2008. P. 144–165.

⁵⁶ *Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005; *Pauketat T.* Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. Lanham; N.Y., Toronto; Plymouth (UK), 2007; *Routledge B.* Archaeology and State Theory: Subjects and Objects of Power. N.Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2014.

⁵⁷ *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989; *Kuznar L.* Reclaiming a Scientific Anthropology. Altamira, 2008.

⁵⁸ *Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005. P. 5–6.

⁵⁹ *Webster D.* States of mind // Cambridge Archaeological Journal. 2005. Vol. 15. No 2. P. 263.

В некотором роде можно констатировать, что западная антропология и археология в последние десятилетия вернулись к временам доминирования антиисторизма и эмпиризма подобно эпохе исторического партикуляризма К. Боаса. Трудно судить, насколько долго данный тренд продлится в антропологическом и археологическом сообществе. В книге К. Кристиансена, посвященной доисторической Европе, конфликт между процессуалистами и постмодернистами графически изображен в виде оптимистичной циклической линии⁶⁰. Период антиисторизма неизбежно должен смениться новым теоретическим синтезом на новых концептуальных основаниях. Не может не радовать, что ряд видных американских специалистов подтверждают, что в литературе все чаще фиксируется возрождение интереса к социальным типам⁶¹.

Подведем итоги анализа. Во-первых, существует большое число причин, которые влияли на развитие политической централизации. Во-вторых, современные историки, археологи и антропологи (этнологи) склонны считать, что генезис государства обусловлен двумя взаимосвязанными процессами — необходимостью общественной консолидации по мере усложнения общества («интегративная» теория) и необходимостью урегулирования в обществе конфликтных ситуаций («конфликтный» подход, «классовая» теория). Государство выступает одновременно и как носитель общепольных функций, и как выразитель социального конфликта. Более того, данная амбивалентность справедлива и для современного государства. В-третьих, современная наука не склонна интерпретировать становление и развитие государства как однолинейный процесс. Многие исследователи придерживаются многолинейной теории социальной эволюции и выделяют несколько альтернативных государству форм политического устройства.

ЛИТЕРАТУРА

- Абелес М.* Политическая антропология: новые задачи, новые цели // Международный журнал социальных наук. 1998. Т. VI. № 20. С. 27–44.
- Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988.

⁶⁰ *Kristiansen K.* Europe before History. Cambridge, 1998. P. 39.

⁶¹ *Neitzel J.E., Erale T.* Dual-tier approach to societal evolution and types // Journal of anthropological archaeology. 2014. Vol 36. No 1. P. 182.

- Березкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 165–187.
- Берент М.* Безгосударственный полис. Раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 235–258.
- Бондаренко Д.М.* Гомоархия как принцип построения социально-политической организации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 164–183.
- Бондаренко Д.М., Кортаев А.В.* Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 128–138.
- Бочаров В.В.* Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4. С. 37–67.
- Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 157–175.
- Васильев Л.С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 177–186.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- Гринин Л.Е.* Государство и исторический процесс. Кн. 1–3. М., 2007.
- Гумплович Л.* Основы социологии. СПб., 1899.
- Исследования по общей этнографии / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1979.
- Каутский К.* Материалистическое понимание истории. М.; Л., 1931. Т. 2: Государство и развитие человечества.
- Ковалевски С.* Циклические трансформации в Северо-Американской доистории // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 171–185.
- Кола Д.* Политическая социология. М., 2001.
- Кортаев А.В.* Горы и демократия // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.
- Крадин Н.Н.* Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 184–208.
- Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. 4-е изд. М., 2011.
- Крадин Н.Н.* Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2012. С. 219–241.
- Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. М.; Л., 1929.

- Лышша В.А.* Загадка Энгельса // Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лышша. Владивосток, 1995. С. 36–58.
- Морган Л.* Древнее общество или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935.
- От доклассовых обществ к раннеклассовым / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987.
- Попов В.А.* Вожество // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 557.
- Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л.В. Данилова. М., 1968.
- Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1995.
- Салинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.
- Становление классов и государства / Отв. ред. А.И. Першиц. М., 1976.
- Уасон П., Балдиа М.* Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 125–177.
- Эванс-Причард Э.* Нуэры. М., 1985.
- Якобсон В.А.* Введение в историю бюрократии // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 81–125.
- African Political Systems* / Ed. M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. N.Y., 1940.
- Archaic states* / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998.
- Blanton R.E., Feinman G.M., Kowalewski S.A. and Peregrine P.N.* A Dual-Process Theory for the Evolution of Mesoamerican Civilization // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. No 1. P. 1–14, 73–86.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* «Early State» in Cross-Cultural Perspective: A Statistical Re-Analysis of Henri J.M. Claessen's Database // *Cross-Cultural Research*. 2003. Vol. 37. No 1. P. 105–132.
- Carneiro R.* A theory of the origin of the state // *Science*. 1970. No 169 (3947). P. 733–738.
- Carneiro R.* The chiefdom as precursor of the state // *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge, 1981. P. 37–79.
- Chapman P.* Alternative States // *Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies*. N.Y., 2008. 144–165.
- Claessen H.J.M.* Kingship in the early state // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1986. Vol. 142. No 1. P. 113–129.
- Claessen H.J.M.* Before the Early State and After: An Introduction // *Social Evolution & History*. 2008. Vol. 7. No 1. P. 4–18.
- Crumley C.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *From leaders to rulers* / Ed. J. Haas. N.Y., 2001. P. 19–36.

- Crumley C.* Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, 1995. P. 1–5.
- Earle T.* Bronze Age economics: The beginnings political economies. Boudler, 2002.
- Earle T.* Chiefdoms in archaeological and ethnohistorical perspective // Annual Review of Anthropology. Vol. 16. 1987. P. 279–308.
- Earle T.* How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.), 1997.
- Ekholm K.* External Exchange and the Transformation of Central African Social Systems // The Evolution of Social Systems / Ed. J. Friedman and M. Rowlands. L., 1977. P. 115–136.
- Feinman G.* Mesoamerican Political Complexity: The Corporate-Network Dimension // From leaders to rulers / Ed. J. Haas. N.Y., 2001. P. 151–175.
- Feinman G., Marcus J.* Introduction // Archaic states / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998. P. 3–13.
- Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, Mass., 2012.
- Flannery K.V.* The Ground Plan of Archaic States // Archaic states / Ed. G. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, 1998. P. 15–57.
- Fried M.* The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N.Y., 1967.
- From leaders to rulers / Ed. J. Haas. N.Y., 2001.
- Gledhill J.* Power and Its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics. L., 2000.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Oxford, 1989.
- Kristiansen K.* Europe before History. Cambridge, 1998.
- Kuznar L.* Reclaiming a Scientific Anthropology. Altamira, 2008
- Lewellen T.C.* Political Anthropology: An Introduction. Westport, 1992.
- Lowie R.H.* Origin of the state. N.Y., 1927.
- Maisels Ch.* The Archaeology of Politics and Power: Where, When, and Why the First States Formed. Oxford, 2010.
- Mann M.* The Sources of Social Power. Cambridge, 1986. Vol. I: A History of Power From the Beginning to A.D. 1760.
- Neitzel J.E., Earle T.* Dual-tier approach to societal evolution and types // Journal of anthropological archaeology. 2014. Vol 36. No 1. P. 181–195.
- Oppenheimer F.* Der Staat. Frankfurt am Main, 1919.
- Pauketat T.* Chiefdoms and Others Archaeological Delusions. Lanham; N.Y.; Toronto; Plymouth (UK), 2007.
- Renfrew C.* Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in prehistoric Europe // Reconstructing Complex Societies. Ann Arbor, 1974. P. 69–95.

- Rivière C.* Anthropologie politique. P., 2000.
- Routledge B.* Archaeology and State Theory: Subjects and Objects of Power. N.Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2014.
- Sáenz C.* Lords of the waste: predation, pastoral production and the process of stratification among the eastern Tuaregs // *Chiefdoms, Power, Economy, and Ideology* / Ed. T. Earle. Cambridge, 1991. P. 100–118.
- Service E.* Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.
- Service E.* Primitive Social Organization: an evolutionary perspective. N.Y., 1962; 2nd ed. 1971.
- Service E.* Profiles in Ethnology. N.Y.; L., 1963.
- Skalnik P.* Early State Concept in Anthropological Theory // *Social Evolution & History*. 2009. Vol. 8. No 1. P. 5–24.
- Smith A.T.* The Political Landscape: Constellations of Authority in Early Complex Polities. Berkeley; Los Angeles; L., 2003.
- Specialization, exchange, and complex societies / Ed. E.M. Brumfiel, T. Earle. Cambridge, 1987.
- The Early State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; P.; N.Y., 1978.
- The Study of the State / Ed. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1981.
- Turchin P., Gavrilets S.* Evolution of Complex Hierarchical Societies // *Social Evolution & History*. 2009. Vol. 8. No 2. P. 167–198.
- Turnwald R.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen. B.; Leipzig, 1935. Bd. 4: Werden, Wandel und Gestaltung von Staat und Kultur im Lichte der Völkerforschung.
- Vincent J.* Anthropology and Politics: Visions, Traditions, Trends. Tucson, 1990.
- Webster D.* States of mind // *Cambridge Archaeological Journal*. 2005. Vol. 15. No 2. P. 260–264.
- Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.
- Yoffee N.* Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations. Cambridge, 2005.

Nikolay N. Kradin

POLITICAL ANTHROPOLOGY ON STATE ORIGINS

Abstract: State origins is the perpetual problem of the humanities. It excited curiosity of scholars working in such fields as philosophy, jurisprudence, sociology, political science, history, etc. There were advanced many opinions in this respect. There exist hundreds of books and thousands of articles on the theme. The first to have appeared were the so-called “sacral” and “patriarchal” theories. They were followed by the theory of “social contract”. These theories are based on philosophical premises. They all are believed to be the so-called “speculative” theories of state origins. Modern conceptions of the origins of the state working

up in political anthropology have a set of basic features distinguishing them from classic theories that have been developed by historians, philosophers and lawyers. Formation of the state was the result of two interconnected processes. They are: consolidation of the society (the integrative or functionalist theory) and regulation of structural collisions in the society (the conflict theory). According to these theories the state fulfills functions useful for all, as well as expresses social antagonisms. Statehood is the result of getting control over such basic spheres of social life activity as economics and ideology. The important role is performed by armed supporters who make it possible both to establish control inside the society and to stir up the outside expansion. Nowadays there exist some most popular anthropological theories exposing different ways of the origins of the state. This article discusses such basic problems as the nature of statehood, signs of the state, theory of “the early state” and the stages of transformation of statehood through history, multiline character of the processes of politogenesis, the role of such concepts as “chiefdom” and “heterarchy”. It shows that in the recent decades many theories have been criticized in Western postmodernist and postcolonial anthropology. It is necessary to revise the West-centric and racist conceptions of world history, to take into account the gender factor, to understand that the straightforward comparison of prehistoric entities and their ethnographical analogies was false. However, postmodernists could not suggest any integral alternative to replace the theories of the second half of the twentieth century.

Keywords: state, state origins, politogenesis, chiefdom, complex society, heterarchy, social evolution, political anthropology